

© 1999 г. В.Ю. МЕЛИКЯН

# К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ КОММУНИКЕМ

Синтаксис русской разговорной речи специфичен и отличается большим разнообразием форм. Это отчасти объясняется тем, что для разговорной речи характерно превалирование смысловых связей над формально-грамматическими, а психологического начала – над логико-понятийным (см., например [Barnet 1970]). Здесь нередко отношения между словами в рамках высказывания оказываются выраженными лишь с помощью интонации и простого соположения единиц. Эта особенность синтаксиса разговорной речи оказывает воздействие на ее морфологию, усиливая в ней черты аналитизма.

Как отмечает А.Н. Васильева, "особенности разговорного синтаксиса в немалой степени связаны с особыми функциями и функциональным синкретизмом определенных лексико-морфологических форм и с наличием особых лексико-синтаксических форм выражения некоторых морфологических (преимущественно морфологических в русском языке) значений" [Васильева 1976: 217].

Одной из таких особенностей русской разговорной речи в отличие от кодифицированного литературного языка является наличие в ней так называемых "нечленимых предложений" (по иной терминологии: "слова-предложения", "синтаксически нерасчленимые предложения", "некодифицированные высказывания", "коммуникаты", "коммуникативы" и т.п.).

Нечленимые предложения относятся к классу простых предложений, но представляют собой его отдельный структурный тип, характеризующийся своими особыми формой, семантикой, функциями, лексикой, морфологией и т.п., и не могут быть причислены ни к двусоставным, ни к односоставным предложениям.

Нечленимые (фразеологизированные) предложения неоднородны по своему составу. Так, по характеру выражаемого значения среди них можно выделять две основные группы: это построения с понятийной и непонятийной семантикой. Нечленимые предложения с понятийной семантикой представляют собой речения, обладающие четкой синтаксической схемой; они лексически проницаемы, распроставляемы, и самое главное характеризуются наличием понятийного значения, например: ("Еще бы + (не) + V") – Библиотека ваша, конечно, выросла с тех пор? – *Еще бы не выросла!* ("выросла...") (В. Солоухин. Владимирские проселки); ("Еще как + V") – Слушай-ка, а вот сюда мог бы ты пройти? – я показал на карте. – *Пройду! Еще как пройду!* Втихомолку, на животе, а там... ("пройду...") (Андреев. Народная война) и т.п.

Нечленимые предложения с непонятийной семантикой в лингвистической литературе получили название **коммуникемы**. Под термином "коммуникема" (далее – **К**) мы понимаем непредикатную коммуникативную единицу синтаксиса предложенческого характера, представляющую собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимую, нерасчленимо выражающую определенное непонятийное смысловое содержание, служащую реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющую в языке эстетическую функцию. **К** лишена номинативной

функции" [Ляпон 1997: 492], но обладает модусной пропозицией. «Модусное событие (как семиотическое содержание, а не экстралингвистический факт) есть отражение "несубстанциональной" действительности, психической реальности, рефлексии говорящего по поводу другого события» [Черемисина, Колосова 1987: 36]. Модусная пропозиция не служит обозначением ситуации, так как является непредикатной пропозицией, например: – Ведь ты не станешь отрицать во мне желание добра? – *Еще бы!* ("да, согласие...") (И. Тургенев. Рудин); Сразу повеселел Ковалевский и даже хлопнул по плечу Васюку. – Ну как, Василий, не трусишь! – *Ну вот еще!* – лихо подбросил голову усталый и весь заляпанный Васька ("нет...") (С. Сергеев-Ценский. Искать, всегда искать).

В настоящей статье мы остановимся на анализе лишь тех К, которые выражают значение "утверждения" и/или "отрицания".

Термины "коммуникема" и "нечленное предложение" находятся между собой в родо-видовых отношениях. Использование термина "коммуникема" подчеркивает прежде всего их коммуникативную направленность, ориентацию подобных речений на адресата, что является категориальным признаком данной единицы синтаксиса, а также позволяет более четко разграничивать отдельные виды нечленных предложений.

Доминирующей в отечественном языкознании является точка зрения, в соответствии с которой признается абсолютная нечленность построений типа К, например: "Не будучи синтаксически членными, а следовательно, не соответствуя формуле предложения, информативные единицы не представляют собой предложений" [Волин 1971: 24]; "Эти построения при определенных условиях могут стать высказываниями, несущими то или иное сообщение, но они не являются предложениями в грамматическом смысле этого термина" [Грамматика 1970: 543]. Это, как видим, дает основание некоторым лингвистам отказать коммуникемам в статусе высказывания вообще или в наличии у них отдельных его аспектов.

Проведенный нами анализ показал, что данная позиция не лишена недостатков. Многие К, как и построения со свободной организацией синтаксической структуры, обладают грамматической парадигмой, но в отличие от последних они не включают в себя всю возможную систему грамматических форм, а характеризуются наличием неполной, дефектной парадигмы. Грамматико-семантические особенности накладывают значительные ограничения на формирование их парадигматического ряда. В целом, с формальной точки зрения К можно охарактеризовать как предложения с "фиксированной формой" ("структурно-неоформленные", "синтаксически нерасчлененные" [Степанян 1956]).

В русском языкознании проблема построения формоизменяющей парадигмы предложения решалась многими лингвистами. Так, например, Е.А. Седельников обратил внимание на то, что парадигма предложения принципиально несводима к морфологической парадигме глагола. В ее основе лежит форма простого предложения. "Форма предложения не представляет собой простой суммы грамматических форм слов. Формы слов, составляющие форму предложения, вступают в синтагматические отношения и образуют качественно новую лингвистическую единицу, свойства которой не равны сумме свойств форм слов" [Седельников 1961: 71].

Н.Ю. Шведова же [Шведова 1965; 1967] отметила, что простое предложение обладает формой и содержанием. Она дает определение понятия форм предложения. "Формы предложения... – это все те видоизменения, которые, не меняя его структурной основы, представляют каждое в отдельности то или иное частное синтаксическое значение, а в своей совокупности – весь комплекс его синтаксических значений" [Шведова 1967: 15].

Глубоко проанализировав все типы преобразований простого предложения, Н.Ю. Шведова подтвердила, что они имеют синтаксический характер и не воспроизводят морфологическую парадигму глагола.

Подобные факты дают право утверждать, что, несмотря на логическую, морфологическую и структурную нечленность К, достаточно большая их группа характери-

зуется наличием дефектной формоизменяющей парадигмы. Например, **К** – *Не скажи!*, кроме формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, может иметь форму повелительного наклонения 2-го лица мн. числа (*– Не скажите!*), а также форму инфинитива (*– Не сказать!*): [Павлин:] Женское дело, сударь... От женского ума порядков больших и требовать нельзя. [Чугунов:] *Ну, не скажи!* У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых мужчин хватит (А. Островский. Волки и овцы); [Хрущов:] Дура она... [Юля:] *Ну, не скажите* (А. Чехов. Леший); Полтора года в колонии. Плохо ли ему было? Да нет, *не сказать* (Лит. газета. 1964. № 22).

Но сопоставление **К** с их производящими основами (членными предложениями), установление морфолого-синтаксических и лексических факторов, обуславливающих их более легкое пересмысление в плане семантики "утверждения" / "отрицания" или определение формоизменяющей парадигмы **К**, вовсе не означает признание того факта, что они обладают этими признаками в полной мере: у них отсутствует грамматическое значение, они лексически непроницаемы, логически и семантически нечленны. У таких синтаксических построений отмечаются лишь элементы потенциальной членности.

Анализ различных грамматических категорий глагольных лексем, входящих в состав **К**, не дает возможности утверждать, что **К** как предложение обладает категорией предикативности (предикативность – "ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности...") [Ляпон 1990: 392]. Отнесение предложения со значением "да" или "нет" к плану настоящего, будущего или прошедшего времени [например: – Ты заседешь за мной? – *И не подумаю!* ("нет..." → "не заеду..." – буд. вр.); – Принеси воды! – *Разогнался!* ("нет..." → "не принесу..." – буд. вр.) и т.п.] является формальным и носит экспериментальный характер. Оно означает лишь то, что соответствующая **К** с глагольной словоформой имеет тот или иной смысловой оттенок. И это связано не с процедурой соотнесения содержания **К** или ее глагольной лексики с объективной действительностью, а с тем, что отдельные грамматические формы лексических компонентов производящей конструкции **К** потенциально предрасположены к различного рода трансформациям, в том числе к формально-семантическому преобразованию в **к о м м у н и к е м у**. Новые оттенки значения приобретаются **К** в ходе такого преобразования и имеют характер влияния внутренней формы **К** на ее семантические параметры, а процедура соотнесения содержания **К** с действительностью производится скорее в этимологическом, диахроническом аспекте. Таким образом, значимостью в данном случае обладают сами грамматические признаки глагольных лексем, отдельные формы последних, за которыми в языке закрепились те или иные трансформационные потенции.

Проблему построения грамматической парадигмы **К** нельзя отождествлять только с формоизменятельными потенциями глагольных лексем. **К** этому проявляют известную склонность (хотя в более скромных масштабах) и другие части речи: существительное и местоимение.

В связи с утверждением об устойчивости **К**, даже большей, чем устойчивость ФЕ, во всех проявлениях этого свойства, а также о способности **К** обладать парадигмой хочется отметить, что высказывание В.Л. Архангельского о том, что устойчивая фраза в системе языка не находится в определенных отношениях к мыслящему или говорящему субъекту, не лишено доли истины, но в то же время даже для **К** не вполне верно. Несмотря на свою максимальную формализацию и абстрагирование от конкретной ситуации и ее участников, **К** все же способна к индивидуализации своей формы и содержания (хотя и в ограниченных пределах), а отсюда, благодаря наличию парадигмы форм может характеризовать ситуацию общения, субъекта речи, выражать его отношение к собеседнику и предмету речи. Именно это позволяет нам утверждать, что такие устойчивые единицы синтаксиса находятся в прямой связи и в некоторой степени зависимости от индивидуальности субъекта речи.

В отдельных случаях данные потенции **К** проявляются даже без изменения ес

формы. Например, словоформа *нам* может употребляться не со значением "множественности", а со значением "единичности": [Вася:] Другой умрет, этакой чести не дождется. Хоть бы денек так пожил. [Гаврило:] *Где уж нам!* (значение "множественности") (А. Островский. Горячее сердце); Ср.: [Троекуров:] Коньяк – пьешь? [Иосиф:] *Где уж нам!* Самогону бы, да и того не сыщешь! (значение "единичности") (М. Горький. Достигаев).

В соответствующем контексте данная местоименная словоформа способна также приобретать значение "обобщенности". Такая тенденция имеет место при употреблении *К* – *Где нам!* с оттенком иронического подтверждения, согласия, например: – Позорно ему на свинарнике работать! А мясо не позорно есть? – Не поймешь, дед, – вздохнул Иван. – *Где нам!* (В. Шукшин. В профиль и анфас).

Грамматическая парадигма *К* может складываться из выражения различных грамматических значений, передающих различные оттенки смысла, а также на основе их нейтрализации. Отсюда парадигма таких единиц может быть значимой и незначимой.

Грамматическая и словообразовательная парадигматика основывается на значении морфемы как минимальной значимой единицы слова. Морфемные же корреляции имеют выход на собственно морфологический, словообразовательный и синтаксический уровни системы. Отсюда мы будем говорить о парадигме морфологической, синтаксической и словообразовательной.

В русском языке *К* чаще всего строят грамматическую парадигму на основе грамматических категорий наклонения, времени, вида, залога, рода, лица, числа и падежа.

К морфологическому формоизменению следует отнести все случаи варьирования грамматического значения у лексических компонентов *К*: – *Раскатал губы(-у)!*, – *И не подумал(-а, -и) бы!*, – *Какой(-ая, -ое, -ие) там!*, – *Что же делать (сделать, поделаешь, сделаешь)!*, – *Размечтался(-лась, -лись)!* и др. Например: 1) – Закончу работу – пойду домой. – *Размечтался(-лась, -лись)!* Закончив одну, я тебе другую дам ("несогласие..."). Члены парадигматических рядов категорий рода и числа глагольной лексики в данном примере называют различных субъектов действия, что вносит в общий смысл высказывания дополнительные семы, уточняя условия речевого акта;

2) – Ты мне поможешь? – *Раскатал губы(-у)!* У меня у самого работы по горло ("нет..."). Изменение формы числа имени существительного, выступающего в роли объекта действия, в этом примере, возможно, несет на себе определенную смысловую нагрузку. При этом грамматическое значение множественного числа флексии существительного не подвергается нейтрализации. Можно предположить, что количество "раскатанных губ" (одна или две) позволяет говорящему подчеркнуть степень категоричности отрицания, а также выразить степень своего неодобрения и негативного отношения к предмету речи: чем "больше губ", тем выше степень.

Данную *К* необходимо отличать от формально сходной с ней ФЕ, например: – А писака уже губенки *раскатал*, размечтался... (А. Маринина. Чужая маска). Отличительной чертой ФЕ в данном случае является понятийный характер ее значения ("размечтался..."), наличие управления (*на что?* – "раскатать губы на помощь, обед, зарплату" и т.п.) и полной грамматической парадигмы;

3) – Ты выполнишь его требования? – *Что же (с-)делать!* У меня нет выхода. Видовые различия глагольной лексики, на наш взгляд, также вносят дополнительные оттенки в смысл высказывания. Так, грамматическое значение совершенного вида своим характером ("...совершенный вид сигнализирует достижение предела и, в силу этого, представляет действие в его неделимой целостности...") [Маслов 1990: 83] указывает на более высокую степень безысходности положения субъекта речи, решимости поступить именно так, а не иначе, так как действие, подразумеваемое под словом *сделать*, достигнув своего предела в процессе обдумывания, не получило

одобрения со стороны субъекта речи (говорящий пришел к выводу, что ничего сделать в данной ситуации невозможно). Значение совершенного вида подчеркивает окончание обдумывания и отсутствие каких-либо реальных намерений действовать в целях преодоления существующих препятствий. Значение несовершенного вида благодаря своей специфике ("...несовершенный вид нейтрален к признаку достижения предела и к признаку целостности; во многих случаях он указывает на действие, лишь в перспективе направленное к пределу или вовсе не предусматривающее предела...") [Маслов 1990: 83] указывает на незавершенность процесса обдумывания (действие не достигло своего предела), хотя субъект речи склоняется к тому, что вариантов выхода из этой ситуации у него нет и надо примириться. В связи с этим данный член видовой парадигмы выражает меньшую степень безысходности продуцируемого утверждения.

В применении термина "синтаксическая парадигма" К мы вкладываем понимание парадигмы как ряда внутривидовых преобразований. Здесь "...обнаруживается существование более высокого уровня лингвистической формы, чем уровень простого морфологического описания" [Уорс 1962: 682]. Введение в синтаксис понятия парадигматических рядов отражает стремление выйти за рамки синтагматики и представляет попытку применения эквивалентности к синтаксическим сочетаниям [Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964: 279].

К синтаксической парадигматике К целесообразно отнести все случаи образования оппозиций в синтаксической схеме всего предложения. В предложении синтаксическую парадигму составляют видоизменения, связанные с выражением категорий объективной модальности, синтаксического времени и синтаксического лица: – *Где мне [нам, тебе, ему, ей, им]!; – И не подумаю (не подумал бы)!; – И не подумаю (-ет, -ем, -ют)! и др.* Например: 1) [Мамаева:] Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать! А то сидит в своем кабинете! Такой нелюбезный старичок! [Крутицкий:] *Где уж мне!* Был конь, да уездили! (А. Островский. На всякого мудреца...); Ср.: [Гасв:] Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год... Слыхала? [Любовь Андреевна:] *Где тебе!* Сиди уж... (А. Чехов. Вишневый сад); Ср.: [Анна:] Злой он человек, жестокий. Ежели что – погубит тебя. [Демчинов:] *Где ему...* (Маллар. Канун грозы); Ср.: – А не фетишист ли ты, майор? – *Г-где уж нам?* (Ю. Семенов. Петровка, 38). Данная К во всех своих формах функционирует с общим значением "отрицания": она выражает отрицание возможности сделать что-либо или способности к какому-либо действию. Местоименный компонент указывает на субъекта действия, поэтому изменение его формы способствует выражению дополнительных компонентов смысла данной К. Это подтверждается и возможностью присоединения к нему своеобразного приложения, например: – Такого же ни одна истинная женщина не полюбит, тем более не захочет, чтобы он ее украл. ...Нет, *куда ему, Брусенкову...* (С. Залыгин. Соленая падь);

2) – А в госпиталь, может, все же съездите, как вас мать просила? – сказал "папочка". – *И не подумаю!* ("нет..." → "не съезжу..." → изъяснит. накл. буд. вр.) (К. Симонов. Солдатами не рождаются); Ср.: – Если я попросил бы тебя, ты помог бы мне? – *И не подумаю бы!* ("нет..." → "не помог бы..." → сослагат. накл.). Некоторые К формально способны выражать различное отношение содержания высказывания к действительности, что заставляет периферию семантики таких К трансформироваться вместе с изменением их формы.

В основе словообразовательной парадигмы находится система морфем одной части речи в их отношении друг к другу в смысловых планах. План словообразовательной парадигматики К сосредотачивается в варьирующихся словах-компонентах по аффиксам-коррелятам, например: – Завтра в восемь! – *Как скажете!* ("согласие, подтверждение..."); Ср.: – Вещи в номер! – *Как прикажете!* ("согласие, подтверждение..."). Данные словообразовательные корреляты выражают стилистические различия в использовании К в целом, что придает особую смысловую окраску таким единицам (первый член оппозиции является нейтральным по употреблению,

второй – свойствен преимущественно речи обслуживающего персонала гостиниц, ресторанов и т.п.), а их ненормативное употребление – повышенную выразительность, например: – *Мам, подай книгу!* – *Как прикажете!* ("согласие + протия...").

Следующие словообразовательные формы (– *Жди!* и – *Дождись!*) различаются не оттенками смысла, а лишь стилистической окраской: первая нейтральна, вторая стилистически маркирована по отношению к разговорному стилю речи. Грамматическое значение возвратной частицы –ся в данном случае нейтрализовано: – Он поможет мне? – *Жди! Когда он помогал?!* ("нет..."); Ср.: – Думаю: повысили его, что ли?! – *Дождись, повысят!* Скорей повесят. – Ха-ха-ха!.. ("нет...") (В. Шукшин. Позови меня в даль светлую).

Таким образом, грамматические и словообразовательные формы **К** способны организовываться в парадигматические ряды, члены которых выражают различные оттенки значения.

Морфологическая, синтаксическая и словообразовательная парадигма **К** может также складываться из нейтрализации грамматических и словообразовательных значений ее членов, что представляется более естественным и логичным по отношению к нечленным синтаксическим построениям, коими являются **К**. Данные виды парадигматики основываются на нейтрализации значения морфемы. Такую парадигму можно назвать *незначимой*. По своему характеру члены подобного ряда, по сути, функционируют в роли вариантов, под которыми мы понимаем "...разные проявления одной и той же сущности, напр. видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях останется сама собой" [Солнцев 1990: 80].

К морфологической незначимой парадигме следует отнести все случаи нейтрализации грамматического значения у лексических компонентов **К**: – *И разговора(-у) быть не может!*, – *На-ка(-ся) выкуси!* и др. Например: – Отдай немедленно записку! *На-ка выкуси!* ("нет..."); Ср.: Антип лезет за пазуху, вынимает треугольный конверт. От Тани. "Жду в условленном месте. Т." *На-кася выкуси!* В деревню я больше не ходок ("нет...") (М. Колесников. Розовые скворцы). Как видим, грамматическое значение возвратного залога во втором примере не выражает свойственного ему значения: оно нейтрализовано. Соответственно присутствие возвратной частицы в составе одного из компонентов **К** никак не отражается на значении последней в целом.

В рамках синтаксической парадигматики **К** мы рассматриваем примеры нейтрализации оппозиций в синтаксической парадигме всего предложения: – *Ничего не скажешь (нельзя сказать)!* и др. Например: – Хороша погода! – *Ничего не скажешь!* (буд. вр.); Ср.: – Он парень грамотный! – *Ничего нельзя сказать!* (неопр. форма). Несмотря на то, что глагольная лексема, которая в аналогичных членимых предложениях выполняет роль сказуемого, представлена в этих примерах в различных морфологических формах, значение последних никак не влияет на изменение семантики **К**.

В основе словообразовательной незначимой парадигмы находится система морфем одной части речи, смысловые планы которых совпадают, например: – Конечно, несчастье велико; в одно время, что называется, умер зять и с сестрой паралич; но, Перепетуя Петровна, нужна покорность... *Что делать!* ("согласие, примирение...") (Ф. Писемский. Тюфяк); – Мне здесь, признаться, будет лучше, чем в Крыму. Жаль только: пропала путевка. *Ну да что поделаешь!* ("согласие, примирение...") (К. Паустовский. Старый челн). Такие словообразовательные корреляты **К** – это члены парадигматических рядов, которые претерпели процесс семантической нейтрализации.

Как показал анализ **К**, грамматической и словообразовательной парадигмой обладают в основном те из них, которые включают в свой состав глагол, местоимение и существительное.

Наличие ряда форм у таких **К** обусловлено конкретными причинами. Во-первых, их связью с производящей основой (членимым предложением), в составе которой соответствующий лексический компонент либо вся синтаксическая конструкция имеют полную парадигму. Эта связь достаточно четко и явно ощущается, так как большинство из подобных предложений может употребляться как в форме нечленимого, так и членимого высказываний без каких-либо структурных изменений либо с незначительными трансформациями, например: – А вот кто хорош, так это бабушка – умная, рассудительная женщина, *ничего не скажешь* ("подтверждение") (Г. Николаева. Жатва); Ср.: – А если я скажу ему про тебя? – *Ничего не скажешь!* Ты ведь не такой глупый ("ничего не скажешь").

Во-вторых, стремлением говорящего максимально детализировать сообщаемую информацию в связи с конкретными условиями коммуникации, например, желанием уточнить особенности речевой ситуации и отметить характер взаимоотношений между собеседниками (– *Не скажи!*, – *Не скажите!*) либо другие детали (– *И не подумаю(-ем, -ют, -ет)!*).

В-третьих, необходимостью точно установить отношение содержания высказывания к конкретному временному отрезку объективной действительности, например: – Ты сможешь? – *И разговора быть не может!* Когда я тебе отказывал? ("да"); Ср.: – Ты бы помог в трудную минуту? – *И разговора быть бы не могло!* Конечно! ("да"); Ср.: – Ты сможешь, если мне надо будет? – *И разговора не будет!* Как же я могу тебе отказать? ("да").

В-четвертых, существующей в языке вариативностью некоторых грамматических форм, например: – Ты сможешь? – *И разговора(-у) быть не может!* ("нет"); – Он сам справится? – *Жди! Дождись!* ("нет...").

В-пятых, безразличием **К** к характеру грамматического значения отдельных ее лексических компонентов, которое является их специфическим, но не абсолютным свойством. В результате несколько грамматических значений в рамках какой-либо грамматической категории могут оказаться синонимичными на основе нейтрализации их содержания, например: – Ты успел? – *Какой(-ое) там!* ("нет"). Формы мужского и среднего рода в данном случае оказываются синонимичными, так как грамматическая категория рода вопросительного местоимения незначима в отношении предмета речи в силу нечленимого характера **К**. На уровне же производящей основы **К** форма рода слова *какой* становится грамматически и семантически значимой. Такая конструкция может иметь предметный характер (– Ты нашел работу? – *Какая там работа!* Разве сейчас так быстро найдешь работу? = "нет, не нашел...") либо оценочный (– Ты нашел работу? – *Какая там работа!* Сидеть бумажки переключивать! = "плохая, неинтересная работа...").

Нейтрализация содержания отдельных грамматических значений в рамках грамматической категории может сохраняться в некоторых случаях даже на уровне производящей основы **К**, когда предмет речи назван не существительным, а другой частью речи, например: – Ты успел? – *Какой(-ое) там успел!* ("не успел..."); – Это красивая картина? – *Какой(-ое) там красивая!* ("не красивая..."); – Так не горячо? – *Какой(-ое) там не горячо!* ("горячо...") и т.п. Производящая основа **К** в данном случае представляет собой нечленимое предложение с понятийной семантикой.

Парадигматический ряд **К**, как правило, включает в свой состав два-три члена. Иногда такой ряд может оказаться достаточно протяженным, например: – *Что (же) делать (сделать, делаешь, поделять, поделяешь, будешь делать)!*

Таким образом, несмотря на отсутствие членности у **К**, некоторые из них все же стремятся к детализации своего содержания, указывая на дополнительные аспекты выражаемого смысла либо частично вскрывая условия и обстоятельства процесса коммуникации.

По утверждению А.А. Потебни, "...уже при самом рождении слова является в нем противоположность объективности и субъективности..." (Потебня 1993: 27). Отсюда

некоторая вариативность семантики и частичная "семантическая членность" К обусловлена наличием в ней объективного и субъективного аспектов значения, с одной стороны, особенностью мировосприятия субъекта речи и необходимостью выразить это субъективное, индивидуализированное начало в К как и любой другой языковой единице – с другой.

В связи с анализом грамматической парадигмы ряда К и их способностью менять оттенки выражаемого смысла под воздействием изменения грамматического значения отдельных лексических компонентов, возникает необходимость сказать о наиболее употребительных "грамматических формах" К, а также о причинах преобладания одних форм над другими. По причине того, что появление подавляющего большинства парадигматических рядов связано с наличием в составе К глагольной лексики, речь пойдет о грамматических категориях глагола.

Чаще всего глагольные лексемы в таких К функционируют в форме будущего времени. На втором месте К с глаголом в форме настоящего времени. Это объясняется, по-видимому, причинами психологического порядка. Как показывают исследования психологов, людей больше всего волнуют проблемы, связанные с настоящим или будущим моментом их существования. Но немало К и с глаголами в форме прошедшего времени. Это обстоятельство не противоречит предыдущей мысли, так как, обычно, форма прошедшего времени глагола у таких К употребляется в переносном значении: она вступает в противоречие с грамматическим значением контекста, и в частности реплики-стимула, что свидетельствует об ироническом, негативном характере содержания К, которое полностью обращено в план будущего или настоящего времени, например: – Ты придешь? – *Разогнался!* ("нет...", т.е. "не приду..." – буд. вр.).

В некоторых из К с глаголом в форме прошедшего времени значение "отрицания" актуализируется также при помощи имплицитно выраженной экзистенциальной presupпозиции, например: – Он считает, что мы все должны стоять перед ним на задних лапках. *Мало каша ел* ("несогласие, нет..." → "не будем стоять...") (Г. Матвеев. Новый директор); – Чтобы к моему приходу все убрал! – *Раскатал губы!* ("несогласие, нет..." → "не буду убирать"). В обоих примерах собеседники понимают, что факты, обозначаемые высказываниями – *Мало каша ел!* и – *Раскатал губы!* в прямом значении, не имеют никакого отношения к предмету речи, выраженному в реплике-стимуле. Поэтому они легко распознают вторичное значение данных речений.

Чуть менее продуктивной оказывается группа К с глаголом в форме повелительного наклонения. Они также используются в значении "утверждения" (позитивного или негативного). Таким образом, здесь тоже налицо асимметрия формы и содержания. Применение же данной формы (императива) обусловлено также психологическими факторами. Так, говорящий чаще всего предпочитает свою собственную точку зрения, и когда мнение собеседника совпадает с его мнением, он испытывает чувство удовлетворения, которое проявляется в большей категоричности выражаемого "утверждения" или "отрицания", например: – Людей-то нам надобно, ваше величество!.. – *Уж не говори*, Егор! Как кладовщик за сокровищем гоняюсь за человеком, а где его взять? Земля велика, а людей мало! ("да, согласие...") (А. Волков. Два брата).

Иногда категоричность, приносимая в значение К формой императива глагольной лексики, требуется говорящему для "закрытия" темы разговора, неприятной ему, например: – Что же все-таки с нами произошло? – спросил я. – Как это мы с тобой?.. (Евсеев почал макушку.) – *Не говори!* Вспоминать тошно ("да, согласие...") (Б. Тихомолов. На крыльях АД).

Оттенок категоричности тем более необходим говорящему в случае несогласия с собеседником, например: – Какой же от вас порядок? – Э, милый, *не говори!* Я-то правда староват малость, а есть у нас старичок Аким Кокишев, тот ничего, тот – бодрый старичок! ("нет...", потому что "ты не прав") (А. Волков. Два брата).



Другой пример: [Карло:] А вот я возьму и тоже тебя стукну. [Джузеппе:] Ну, ну, *только попробуй* ("нет..." + "угроза, запрет") (А. Толстой. Золотой ключик). В данной К форма повелительного наклонения глагола привносит в ее значение дополнительный смысловой оттенок: "угроза, запрет".

Крайне редки у глагольных К формы сослагательного наклонения и инфинитива, что объясняется характером их значения. Эти формы в членимых предложениях, которые потенциально выступают в качестве производящей основы К, выражают ирреальное, несуществующее действие, поэтому они не предрасположены для использования в качестве утвердительных либо отрицательных высказываний, так как в этом случае не ясна позиция автора в отношении предмета речи. Те же из них, которые все же преобразуются в К, теряют значение ирреальности в момент такой трансформации и перехода в новое качество. Оно у них нейтрализуется, например: – Ты поддержал бы его в трудную минуту? – *И не подумал бы!* ("нет...") (Из разг. речи); Суд наедет, отвечай-ка; С ним я век не разберусь; *Делать нечего*; хозяйка, Дай кафтан: уж поплетусь ("согласие...") (А. Пушкин. Утопленник).

Анализ данной проблемы с точки зрения категории вида показал, что чаще всего глагольные К характеризуются наличием значения совершенного вида. Это имеет место у К с глаголами как в форме прошедшего, так и будущего времени. Возможно, значение формы совершенного вида придает ответной реплике большую уверенность, твердость при выражении утверждения или отрицания, например: – Жизнь – штука сложная. – *Что сделать!* Нужно терпеть; Ср.: – Дождя опять не обещают. – *Что делать!* Остается только надеяться.

Среди личных форм глагола формы 2-го лица наиболее распространены. Они значительно лабильнее в плане возможностей переосмысления, а также в стилистическом аспекте. Как правило, отнесенность ко 2-му лицу, то есть собеседнику, потенциально распространяется на всех. Отсюда, форма 2-го лица получает обобщенное значение, что соотнобразится с общей направленностью специфики К к нерасчлененности формы и содержания. Например, – *Скажешь(-те) (тоже)!*, – *И не говори(-те)!* и т.п.: – Нет, это не русский пароход. [...] – Может быть, военное судно? – *Скажешь!* ("несогласие...") (А. Куприн. Листригоны); [Зырянов:] Надо же – в первый день войны родился парень. Подгадали как раз. [Рожковой:] *Не говори!* Эх, Юрка, знал бы я, что война случится... ("согласие...") (Е. Войскунский. Субмарина).

В то же время глагольные лексемы некоторых К могут иметь формы 1-го или 3-го лица, а иногда обе, например: – Ты откажешься – повторил Алексей. – *И не подумую*, – сказала она ("нет...") (Л. Овалов. История одной судьбы); Ср.: – Они придут? – *И не подумают!* ("нет...").

Таким образом, глагольные К чаще образуются на основе членимых предложений с глаголом-сказуемым в форме изъявительного наклонения будущего и настоящего времени, повелительного наклонения, а также совершенного вида, 2-го лица. Именно эти формы оказываются наиболее подвижными в плане переосмысления и предрасположенными к выражению обобщенного значения "утверждения" и/или "отрицания".

Выход за рамки парадигмы каждой конкретной К либо синтаксическое распространение К, как правило, ведет к ее разрушению и переходу в разряд членимого предложения либо к потере смысла таким высказыванием вообще. Например: 1) – "Дорожка к счастью" хороша на море, – сказал Кондратьев мечтательно. – Ну, *не скажите*. Я сам из Торжка, речушка у нас там маленькая, но очень чистая. А в заводах – кувшинки. Ах, как отлично! ("несогласие...") (Стругацкие. Полдень XXII век); – Ах, хороша водица! – Ну, *не скажите* еще кому этого! Разве это вода! ("не скажите..."); 2) – Убери в комнате! – *Раскатыл губы!* ("нет..."); Ср.: – Убери в комнате! – *Раскатываю (раскатаю) губы!* (данное высказывание вообще лишено всякого смысла). Ограничения в варьировании формы и содержания К являются одним

из средств дифференциации нечленимого предложения и соответствующего ему членимого в случае, когда они формально и функционально совпадают.

Несмотря на то, что морфема является полной уровневой единицей, т.е. обладает планом выражения и содержания, она может преобразовывать **К** только в одном направлении – парадигматически, представляя набор грамматических форм (наклонения, времени, вида, лица, числа и т.д.), свойственных конкретной **К**. Дериационные трансформации, вносящие элемент нового содержания ("Дериваты – это производные фразеологические обороты, отличающиеся от исходного фразеологизма наличием у одного из компонентов словообразовательного аффикса") [Тихонов 1967: 230] и преобразовывающие **К** в синонимичную единицу, в отношении **К**, как правило, не возможны в силу нерасчлененности ее логической структуры и лексического наполнения, а также максимальной обобщенности, абстрагированности содержания. Единственное, на что способна морфема в рамках словообразовательной парадигмы **К**, так это на изменение стилистической окраски последней. Именно поэтому словообразовательная парадигма **К** встречается редко и включает обычно не более двух членов такого рода.

Итак, парадигматика **К** имеет два основания: 1) выражение членами парадигмы различных грамматических значений, передающих различные оттенки смысла; 2) нейтрализация грамматических противопоставлений. Образование парадигматических рядов осуществляется по линии изменения зависимых и независимых (грамматически) имен по категориям рода, числа и падежа, а также глагола по категориям наклонения, времени, вида, залога, числа, рода и лица.

Во втором случае грамматические и словообразовательные формы **К** – это члены парадигматических рядов, претерпевшие процесс грамматической, а отсюда, и семантической нейтрализации (более устойчивыми в этом аспекте, т.е. менее подверженными семантической нейтрализации являются категории наклонения, времени, лица и числа, выполняющие модальную и коммуникативную функцию в предложении). Эта нивелировка обусловлена, во-первых, обобщенным характером категориального значения **К** (в нашем случае значением "утверждения" и/или "отрицания") и ее коммуникативной направленностью (по цели высказывания **К** – это повествовательное предложение). Поэтому какие бы формальные показатели **К** ни приобретала, все они чаще всего нейтрализуются и трансформируются до указанных значений. Унификации подвергается не только ядро значения **К**, но, как правило, и его периферия. Во-вторых – нечленимым характером **К**, который "обезличивает" значение отдельных словоформ, входящих в ее структуру.

В целом же парадигматика **К** связана с морфологическими, синтаксическими и словообразовательными преобразованиями и подчиняется единому механизму, суть которого заключается либо в выражении различных оттенков значения **К**, либо в снятии различительной способности отдельных грамматических или словообразовательных значений в соотносительных членах парадигматического ряда.

Таким образом, многие **К** способны иметь неполную морфологическую, синтаксическую и словообразовательную парадигмы. Это подчеркивает их связь с производящей конструкцией и соотносительность их значения со значением последней. Следовательно, многие **К** сохраняют влияние на них первичной семантики, присущей соотносимому с ними сочетанию лексем.

Относительный характер тезиса о нечленности **К** подтверждается и фактами их анализа с точки зрения проблемы лексической парадигматики, в ходе которого выясняется, что многие из **К**, кроме грамматической и словообразовательной, способны иметь и дефектную лексическую парадигму, например, – *Ни за какие блага [сокровища, посулы, коврижки] (в мире)!*, – *Нужно [нужно] мне!* и др. Например: 1) – Насчет уклона-то... смотри не вяжи где. А то придут огород урежут. У меня там сотни четыре лишка есть. – *Нужно мне* ("отрицание возможности подобных действий...") (В. Шукшин. Космос, нервная система и пимат сала); Ср.: – А ты говорил с ней откровенно? – *Нужно мне* ("нет...") (Н. Погодин. Янтарное ожерелье); 2) – Идем

со мной к брату! – *Ни за какие коврижки!* Чего я там не видела! ("нет..."); Ср.: – А если бы я вам предложил пост директора, вы согласились бы? – *Ни за какие сокровища в мире!* ("нет...").

Более подробное рассмотрение данного вопроса – предмет отдельной статьи.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д., Климов Г.А., Кубрякова Е.С. 1964 – Американский структурализм // Основные направления структурализма. М., 1964.
- Васильева А.Н. 1976 – Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976.
- Валин Г.В. 1971 – К вопросу о коммуникативных единицах // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-на-Дону, 1971.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
- Ланов М.В. 1990 – Предикативность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Ланов М.В. 1997 – Слова-предложения // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
- Маслов Ю.С. 1990 – Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Потебня А.А. 1993 – Мысль и язык. Киев, 1993.
- Седельникова Е.А. 1961 – Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // ФН. 1961. № 3.
- Солнцев В.М. 1990 – Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Степанян И.О. 1956 – Структурно-неоформленные (синтаксически нерасчлененные) предложения в современном русском языке, образованные из междометий, частиц и модальных слов: Дис. ... канд. филол. наук. 1956.
- Тихонов А.Н. 1967 – О грамматических формах, вариантах и дериватах фразеологических оборотов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
- Уорс Д.С. 1962 – Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
- Черемисина М.И., Колосова Т.А. 1987 – Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Шведова Н.Ю. 1965 – Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм // Проблемы современной филологии. М., 1965.
- Шведова Н.Ю. 1967 – Синтаксис словосочетания и простого предложения // Основы построения описательной грамматики современного русского языка. (М., 1966) = Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
- Шведова Н.Ю. 1967 – Парадигматика... // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
- Barnet V.I. 1970 – Jaký je lingvistický status hovorové rustiny? // CR. 1970. № 2.